

ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ

А. С. Сенявский
Москва

Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века*

К революциям относятся по-разному. Некоторые их «не принимают» заинтересованно (консервативные силы, предпочитающие status quo из-за собственного положения в обществе, которое их вполне устраивает), другие — «принципиально», «бескорыстно», по причине неприятия всяких социальных потрясений и «крови», а также из-за убеждений, что эволюционный путь развития предпочтительней. Третьи относятся к революциям дифференцированно: например, «демократические» (или либерально-демократические) принимают, а прочие, вроде «пролетарских», — нет. И т. д., и т. п. Но «ход вещей» мало зависит от наших предпочтений: революции в истории случаются, причем и те, которые кому-то, а нередко и всем — не нравятся. Некоторые из них вполне можно предсказать, а иные — «падают как снег на голову».

В истории мало тем, которым бы было уделено столько внимания со стороны историков, политиков, журналистов, как 1917 году в России. Этот год вместил в себя столько противоречивых событий, явлений и процессов разного масштаба, что они получили самые различные и названия, и оценки, вплоть до прямо противоположных. Даже сами названия общественных явлений, вместились в этот краткий исторический период, — «опознавательные ярлыки», — оказываются столь различными по содержанию, оценочной и эмоциональной окраске, что впору задать вопрос: а об одних ли и тех же вещах идет речь... Революция или государственный переворот; прорыв к свободе или установление тирании; разрешение общественного кризиса или национально-государственная катастрофа; решительный шаг по пути прогресса или регресс, прерывание динамичного и поступательного развития России; закономерность или случайность. А если случайность, то еще и инспирированная какими-либо злокозненными силами: различными заговорщиками — придворной оппозицией, масонами, либералами, Государственной Думой, и т. д.; революционерами — марксистами разной окраски, эсерами, анархистами и т. п.; зарубежными спецслужбами, и прочее. Кроме того, упоминают и различные «демонические» персонажи в лице Керенского, Троцкого, Ленина и прочих «харизматиков» поменьше. Монархисты отвергают Февральскую революцию — как заговор и переворот, «либералы» и «демократы» приветствуют «Февраль», но проклинают «Октябрь», коммунисты противопоставляют «Февраль» и «Октябрь», считая первый лишь «предтечей». Прийти к единой точке зрения невозможно. Но это — в идеологии и политике, где кри-

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 07-01-00303а

терии оценок — вне науки — в области социально-групповых интересов. Но в исторической науке, неужели невозможно?

Весь вопрос — в методологии изучения революций, да и вообще истории. Пока историк не отрефлексирует свои мировоззренческие позиции и не осознает свои пристрастия, пока не отринет личные социально-политические симпатии и антипатии, не займет позицию вне идеологий и над ними, он будет оставаться вне науки, постоянно скатываясь к субъективизму в анализе и оценках. Ведь невозможно понять и объяснить сложнейшие явления, просто навешивая на них любой опознавательный и оценочный «ярлык», извлекаемый из арсенала какой-либо категориальной конструкции, привязанной к любой из частей политико-идеологического спектра. Любая идеология — это всего лишь интеллектуальное выражение хотя бы и широких, но всегда — ограниченных социальных интересов. Без идеологии нельзя в социальной жизни, но привнесение идеологии в науку ведет к ее деградации. Можно даже сказать: наука заканчивается там, где начинается идеология. Именно поэтому историк-исследователь обязан стоять вне и над идеологиями, над социальными интересами, «над схваткой»¹.

Но это — лишь первое, исходное условие объективности и компетентности историка. Его одного — слишком мало. Другая задача — определение того инструментария, который обеспечит адекватность создаваемой исследователем картины исторической реальности. Это — особый предмет для большого разговора. Но некоторые позиции обозначить необходимо. Часто «историки-эмпирики» говорят: историк должен работать с источником, и этого вполне достаточно. Нет, недостаточно: как только историк выходит за рамки узких и мелких тем, да и то, даже реализуя простейшую функцию исторического исследования — описания, и начинает употреблять терминологию за пределами источника, он неосознанно использует категориальный аппарат тех или иных теоретических конструкций. А любое объяснение сколько-нибудь масштабных исторических проблем и явлений без теории вообще невозможно. Любая интерпретация предполагает «опознание», идентификацию явления, что означает — неизбежное, пусть хотя бы и невежественное, использование объяснительных моделей, т. е. использование теории. Значит, лучше делать это осознанно, понимая, что делаешь. Зная основные достоинства и недостатки, в том числе и ограничения, искажения, которые может принести использование данной избранной теоретической конструкции.

---

¹ Вот почему марксизм, имевший мощную научную основу, далеко продвинувшийся, прежде всего, в области политэкономии своего времени, все-таки изначально своей ориентацией на социальную практику (а значит, и политической, социально-экономической и т. п. ангажированностью) был ограничен в своих научных возможностях: он не соответствовал одному из ключевых требований науки — объективности. Вспомним «классическую» установку марксизма: «...философы лишь объясняли мир, тогда как задача — изменить его»... Считая, что определенная часть общества — пролетариат — «объективно» выражает перспективы развития общества, абсолютизируя эти перспективы и идеализируя их «социального носителя», классики марксизма все больше становились не исследователями, а идеологами, даже в своих научных поисках. Человеческая психика устроена так, что при наличии исходно заданной цели, весь познавательный процесс, даже на подсознательном уровне, подстраивается под поиск путей ее достижения, невольно «подгоняя» под него и картину мира, а значит, и искажая ее, отсекая то, что не укладывается в «нужный» образ, абстрагируясь от «лишнего». Не случайно марксизм не выдержал испытания практикой, причем не крахом социалистической системы — это иная тема. К. Маркс и Ф. Энгельс не смогли спрогнозировать ни одной революции, неоднократно претендуя на это. Более того: ни одна из революций не произошла «по Марксу».

Теперь, после призыва «пользоваться теоретической историей», сделаем одно «шокирующее» заявление: ни историческая наука сама не имеет сегодня адекватной теории, ни вся совокупность гуманитарных и общественных дисциплин не может предложить ей полноценный универсальный теоретический инструментарий. Марксизм дискредитирован (хотя отрицать полностью его научный потенциал, особенно теорию общественно-экономических формаций, было бы неверно). Цивилизационный подход ограничен акцентированием внимания на социокультурной специфике стран и народов, но не может предложить ключа к анализу механизмов их исторической динамики. Модернизационная парадигма предлагает свой вариант объяснения изменений материальной базы общества через изменение технологических доминант, но даже при ее очищении от идеологических наслоений, связанных с обстоятельствами ее возникновения в условиях холодной войны как альтернативы «марксизму-ленинизму», предлагает слишком упрощенную интерпретационную модель. В ней нет места ни социальным силам, ни социальным интересам, ни социальным институтам, не говоря уже о социокультурных особенностях развивающихся социальных организмов (или они «притянуты за уши»). Кроме того, как и марксизм, теория модернизации относится к категории прогрессистских концепций, и несет на себе печать «телеологизма», восходящего еще к гегельянству — как будто история имеет некую цель, фатально реализуемую историческим процессом. Отсюда и марксистское понимание исторического «закона», и модернистское, в какой-то степени «предопределенное», восхождение от менее совершенных к более совершенным «стадиям» развития. Однако «многие социальные теоретики нашего времени весьма убедительно доказывают, что теории линейного, безвозвратного и прогрессивного развития всех стран и народов по евроцентристской модели опровергаются ходом истории человечества»¹.

К тому же, история полна случайностей, в том числе и «мелких», которые могут развернуть вектор исторического процесса вплоть до противоположного — на 180 градусов. И здесь важны достижения, сделанные в последние десятилетия в рамках точных и математических наук: теория игр, теория катастроф, синергетика.

Историк, выходя на уровень теории, вынужден использовать различные научные парадигмы, в собственной исследовательской практике определяя их слабости и ограничения, выверяя возможности «стыковки» различных объяснительных моделей и инструментария, их применимость (границы и условия применимости) в каждом конкретном случае. Сегодня история во многом остается синтезом науки и искусства: историк использует научный инструментарий, но качество результата его научного поиска зависит от того, насколько «искусно» историк может его применять.

Как же подходить к исследованию революций в качестве исторического феномена? Что понимать под революциями и как их изучать? В общественных науках, в общем-то, есть консенсус относительно того, что понимать под этим явлением. При всем разнообразии дефиниций данного понятия, у него есть несколько составляющих, которые определяют его сущность. Обобщим их. Итак, революции — это глубокие, радикальные, качественные социальные изменения, как правило, имеющее насильственный характер, относительно ограниченные во времени (что позволяет определить их как «историческое событие»), сопрово-

жающиеся сменой власти, масштабной сменой социальных элит, социальных отношений, государственных и общественных институтов, а также имеющие долговременные последствия для развития общества, меняющие вектор его развития. Настоящие (а не «имитирующие», не «политтехнологические» «цветные») социальные революции перетекают в долгосрочный революционный процесс, имеющий свою логику развития: радикализацию, подавление контрреволюционного сопротивления (как вариант — гражданская война), «термидор» или «само-термидор», то есть определенное отступление революционных элит относительно радикального апогея революции, результатом чего является стабилизация общества с новой конфигурацией социальных сил и общественных отношений. Настоящие революции всегда решают «объективные» задачи — то есть, разрешают те проблемы, которые долго не решались в рамках ранее существовавшей общественно-государственной модели, но давно назревшие в результате предыдущего эволюционного развития. Как правило, революции происходят потому, что не все «гордые узлы развязываются», есть такие, которые можно только «разрубить» — насильственными методами разрешить проблемы, в чем не заинтересованы старые элиты, в результате революции оказывающиеся «за бортом». Поэтому революции — это еще и смена элит.

Революцию можно понять и адекватно оценить только в рамках широкого отрезка исторического процесса, причем, чем масштабнее и социально значимее социальная революция, тем больший территориальный и исторический масштаб следует брать для ее оценки. Есть революции локального значения, а есть — всемирно-исторического. Здесь прямая связь и с масштабами, и с международной ролью той страны, где происходит революция. Следует подчеркнуть, что понять причины, ход и последствия конкретной революции можно только в рамках соразмерного ей исторического процесса: локальной — в границах конкретной страны в ограниченных хронологических рамках, международного значения — в существенно больших территориальных и временных масштабах.

Но вернемся к России, к событиям 1917 г. По отношению к событиям октября 1917 г. в перестроечный и постсоветский периоды нередко употребляли термин «переворот» — как правило, в негативном и даже уничижительном ключе. Да и сами большевики использовали эту терминологию в первые послереволюционные годы, под «октябрьским переворотом» понимая насильственный захват власти.

Но революция — это всегда «переворот», всегда — успешный захват власти антиправительственными силами. «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». Однако революция никогда не ограничивается сменой власти, а всегда — сопровождается более или менее радикальными общественными переменами.

В то же время, есть реформы революционного значения, какими были, например, Великие реформы Александра II. Но они не сопровождались ни насильственной сменой власти, государственных структур и властных элит, ни скоротечной, тем более одномоментной сменой общественных отношений и институтов, которая растянулась на многие десятилетия, приобретая эволюционный характер, с неоднократными консервативными отступлениями. То есть, действительно «великие» — по своей масштабности и глубине — преобразования остались в рамках реформационного процесса, имея, прежде всего, целью

предотвратить революцию, сохранить монархию и обеспечить плавную эволюцию элит.

По всем признакам «октябрь» 1917 г. — и «переворот», и революция. Так же как и «февраль» 1917 г.! Вопросы заключаются в том, как они соотносятся и какое место занимают на шкале российского и мирового исторического процесса. В феврале 1917 г. произошла насильственная смена власти — под влиянием верхушечного заговора и народных волнений (есть версии, что — тщательно подготовленных и инспирированных). Утрата контроля за ситуацией в столице была преподнесена Николаю II как революция, как разбушевавшаяся стихия, вернуть которую в мирные берега уже невозможно.

В результате монарх, под влиянием как определенных действий своего окружения и не вполне адекватной информации, доводимой до его сведения, так и под прямым давлением некоторых политических кругов, принимая решение фактически не самостоятельно, отрекся от престола за себя и своего сына-наследника (что не имел права делать!), а затем и брат его также не принял на себя «бремя власти». Налицо — по форме — государственный переворот, в котором можно усмотреть элементы заговора ряда внутренних и внешних сил: окружения государя, связанного с масонами, в ложи которых входило руководство едва ли не всех политических партий. Нити заговора тянутся также за границу, прежде всего, в Англию. Британская империя традиционно проводила политику «разделяй и властвуй», как и ранее, сталкивая друг с другом самые сильные континентальные державы, втянула и Германию, и тем более Россию в Первую мировую войну, в которой та совершенно не была заинтересована. Революция в России была вполне в духе британской стратегии.

Воздействовали внешние силы на внутреннее положение России и ситуационно: деньгами, агентурой, давлением на политических деятелей. Существует даже версия, вполне убедительная, что 1917 год — «не революция, а спецоперация» наших западных союзников². Убедительная при одной принципиальной оговорке: результатом «спецопераций» может быть переворот, смена власти, даже определенные шаги этой власти по развалу страны, но не масштабный революционный процесс. Вообще в революционном процессе в России в 1917 г. оказалось задействовано множество внутренних и внешних общественно-политических сил: одни силы использовали другие открыто или «втемную», причем «ситуационно», в «краткосрочном масштабе» нередко добивались своего, но в перспективе и они получали результат, на который совершенно не рассчитывали.

Столько разнородных сил по разным причинам оказались заинтересованными в свержении монархии, что судьба ее — при слабом правителе — фактически была предрешена. Аристократический заговор, направленный на простую замену Николая II иными персоналиями, но ставший толчком к дестабилизации в верхних эшелонах власти, увенчался успехом в том смысле, что Николай отрекся, но провалился по существу: старые элиты были мгновенно вышвырнуты ходом событий с политической сцены. Дело не могло ограничиться не только «сменой декораций» и «актеров», даже простой сменой власти и формы правления, которая, кстати, нелегитимно была утверждена Керенским 1 сентября 1917 г. — провозглашением республики. Ведь власть была передана либеральному Временному правительству, с тем, чтобы позднее, всенародно избранное Учредительное собрание решило коренные вопросы жизни страны и государства, в том числе и

то, что будет представлять собой государственное устройство России. Еще один признак верхушечного государственного переворота — теперь уже между «февралем и октябрём». Но верхушечный переворот с первых дней стал превращаться в революцию, в «ход событий», которыми пытались управлять многие, но в результате не управлял никто.

Механизм революции, единожды запущенный, имеет свою логику развития, которая состоит в нарастании радикальности процесса. А в этом были заинтересованы отнюдь не только «внешние» и «верхушечные» силы, но и самые широкие слои российского населения. Опять интересы разных сил сходились, и радикализация оказывалась неизбежной. Не только Германия, но и страны Антанты парадоксальным образом были заинтересованы в нарастании хаоса в России: Германия — как противник, а Англия и Франция — как союзники, но не желающие делиться плодами близкой победы, и уж тем более — послевоенным непомерным усилением России, неизбежным, если она окажется в рядах победителей. А революция — это хаос, и он должен нарастать... Заставить Россию продолжать воевать, сокращая потери западных союзников, но при этом при слабеющей и разлагающейся армии, которая должна терпеть поражения, а значит, вызывать нарастание внутреннего брожения в стране. Еще больше ослабить и вывести Россию из войны до заключения победного мира — вот в чем заключалась увенчавшаяся успехом английская политическая стратегия.

Заинтересованы в радикализации революции были и разные внутренние политические силы, боровшиеся за свою модель государственного устройства и стремившиеся утвердиться у власти, оттесняя соперников. Причем за этими силами стояла различная социальная база, разные массовые социальные категории, заинтересованные в разных сценариях дальнейшего развития страны. На этом фоне выглядят прекраснотушными мечтаниями наивные надежды либеральной интеллигенции в то, что революция действительно приведет к свободе, а затем и к утверждению демократии, либеральных ценностей, правовому государству, торжеству конституционализма. Свои иллюзии они безуспешно пытались внушать народным массам. Но удивляет не это — современники событий часто обманываются иллюзиями. Удивляет другое: как с высоты исторического опыта наши современные либералы творят «идеальный образ» из февральской революции, полной абсурдности, хаоса и неуправляемости, насилия и крови, погромов и самосудов, предательства национальных интересов и прямой государственной измены. И речь идет не о рядовых гражданах, а обо всей так называемой элите, вынесенной наверх волнами революционной смуты, о членах Временного правительства, почти поголовно сотрудничавших с «союзными» или германскими спецслужбами³. Воспеваемый ныне либералами А. Ф. Керенский проводил такую политику, как будто целенаправленно разваливал армию и государство, а апогеем его антигосударственных действий стала провокация генерала Л. Г. Корнилова на военное выступление с целью наведения порядка в столице, с объявлением его на другой день изменником. Тем самым, была сорвана последняя возможность предотвратить окончательный развал страны и приход к власти крайних леворадикальных элементов.

Бесконечно далеко от исторических реалий и более чем наивно выглядят умозрительные конструкции и современных либеральных историков. Например, такая: «Либеральная модель переустройства России, начавшая складываться

ся в ходе Великих реформ 60-х гг. XIX в. и получившая развитие в последующий период, стала практически осуществляться в ходе Февральской революции, столкнувшись с неподготовленностью общества и низкой политической культурой масс. Идеалы Февральской революции — гражданское общество, правовое государство, рыночная экономика, конституционные гарантии прав человека, возможность их защиты справедливым и независимым судом, — сохраняют непреходящее историческое значение»⁴.

Что ни фраза, то «бездна премудрости»! Во-первых, если «либеральная модель... получила развитие», то почему она стала «практически осуществляться» после Февраля? До этого, что — «не практически»? Во-вторых, общество действительно оказалось «неподготовленным». И это было очевидным для всех здравых людей, но только не для российских либералов, совершенно не знавших реальной жизни! Неужели не ясно, что в стране, где абсолютное большинство — более 80 % — в лучшем случае, малограмотного, в большинстве своем все еще общинного крестьянства, никакой либерализм утвердиться в принципе не может. А правовое государство, каким оно в значительной степени стало после реформ Александра II, с гражданским обществом и «гарантиями прав человека» могли существовать только при стабильной власти, каковой могла в принципе оставаться монархия, — если бы ее не «раскачали». И сама постановка вопроса о «неподготовленности» общества к принятию либеральных ценностей свидетельствует о идеологической заданности подобного подхода: как будто Россия, российское общество только и мечтало о том, чтобы оказаться достойным принятия либеральных ценностей, искусственно порожденных на совершенно чужой почве западной, преимущественно англо-саксонской цивилизации! А само российское общество — всего лишь пассивный материал для либеральных экспериментов! Реальная суть проблемы состояла в том, что российскому обществу было наплевать на либеральные свободы с их правовым оформлением (а свободу русские мужики понимали как волю — свободу от государства и безграничную возможность делать, что хочешь, в том числе и грабить «господ», «прижать» город тисками голода и т. д., и т. п.). Ведь были действительно насущные задачи, которые должно было, но так и не разрешило ни одно из либерально-меньшевистско-эсеровских правительств, стоявших у власти в условиях нараставшего революционного хаоса: дать землю крестьянам и прекратить войну, а вместо этого занималось болтовней и политико-правовыми абстракциями.

Более того, свергнув монархию, либеральные заговорщики подложили мину не только под все уже осуществленные либеральные инфильтрации в российское традиционное общество, сделанные на протяжении многих десятилетий, но и под государственность, и под цивилизованность как таковые. Все это очень точно «схватил» философ С. Л. Франк, характеризуя русское народное сознание: «Подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный строй и не господствовавшая бытовая культура, а была ее политическая форма — монархия. <...> Все остальное — сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии — все это в том или ином отношении держалось на лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в

народном сознании... Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и все остальное — вся русская общественность и культура»⁵.

Заметим: рухнуло не с приходом большевиков, а до них — с падением монархии и с приходом к власти либералов! А они так старались, свергли монархию, хотели облагодетельствовать русское общество, которое, неблагоприятное, оказалось к этому «неготовым»! Русский народ оказался «плохим», непригодным для экспериментаторов — вестернизаторов.

Падение монархии было воспринято народом как избавление от государства, от налагаемых им тягот и ограничений, обязанностей и норм. Выйти из подобной ситуации революционного хаоса было невозможно на путях «конституционализма», но только на путях диктатуры — правой, генеральской или леворадикальной, — но одинаково жесткой и кровавой. Либералы во главе с А. Ф. Керенским «сдали» генерала Л. Г. Корнилова, довели до самоубийства (а может быть и убили) его соратника генерала А. М. Крымова, «закрыв» тем самым генеральскую альтернативу хаосу — возможность восстановления «порядка и дисциплины».

В результате победили леворадикальные социал-демократы — большевики, позиционировавшие себя как марксисты, но очень далеко отошедшие от ортодоксального марксизма и совершившие в октябре 1917 г. новый переворот. С этого момента революция развивалась уже в принципиально ином ключе. Можно сказать и так, что если Февральская революция имела, в общем-то, локальное историческое значение, хотя и в гигантских территориальных масштабах Российской империи, то Октябрьская — уже всемирно-историческое, ибо оказала колоссальное влияние на судьбу всего человечества в XX веке. Февральская «буржуазно-демократическая» революция, в результате которой к власти пришли либералы, была эпигонской: она повторяла своими лозунгами и задачами уже не раз свершавшиеся в мире революционные изменения. Октябрьская революция, как бы ее ни оценивать — со знаком плюс или минус — была уникальной, первопрородческой, открывшей миру новые перспективы и предложившей принципиально новую модель общественного развития.

Но без «Февраля» не было бы и «Октября». Революция 1917 года — включая «Февраль» и «Октябрь» в действительности — единый процесс, искусственно, по политико-идеологическим соображениям, разделенный на две «отдельные» революции. Поэтому, несмотря на то, что в историографической традиции устоялось выделение двух революций, с точки зрения автора, их нужно рассматривать как единую Великую русскую революцию 1917 года. Так же как и Великая французская революция, продолжавшаяся, кстати, несколько лет, она развивалась по пути радикализации, с дальнейшими отступлениями и «термидором». Да и сами политические силы, в ней участвовавшие, нередко видели во французской революции некий прообраз: по крайней мере, при принятии политических решений, опирались на ее опыт.

Но традиция все-таки устоялась, а потому будем оперировать также и этими понятиями — Февральская и Октябрьская революция, когда будем обозначать разные по степени радикализма стадии единого революционного процесса. Октябрьская революция как апогей развития событий от февраля к октябрю, оказалась закономерной в ситуации, когда буржуазно-демократические партии не захотели быстро и решительно разрубить «гордые узлы», которые монархия не сумела развязать в течение многих десятилетий. Пришедшие в результате

к власти — в лице большевиков — леворадикальные силы, сумели опереться на большинство населения страны и победили всех своих противников, в том числе в Гражданской войне.

И это главный вопрос, который при анализе революционных событий 1917 г. задавали и политики, и историки-исследователи, — почему победили большевики. Ответ на этот вопрос пытались дать участники и современники событий, затем — русские белые эмигранты, проигравшие в Гражданской войне; искали его и западные советологи, свой ответ давали советские историки⁶. Даже западные советологи проделали существенную эволюцию во взглядах на события октября 1917 г. — от представлений о них, как о верхушечном перевороте, к пониманию того, что произошедшее имело объективные основания — как глубокого, фундаментального порядка, кроющегося в десятилетиями зревших общественных противоречиях и недовольства масс, так и ситуационно сложившихся факторах, определивших широкую поддержку леворадикальному сценарию и большевистским силам. Советские историки, помимо объективных причин, «истоков Великого Октября», делали акцент на роли большевистской партии как авангарда главной революционной силы «социалистической революции» — пролетариата, на стратегии и тактике В. И. Ленина, и др.

На наш взгляд, вопрос о причинах победы большевиков следует разделить на три: 1) почему большевикам удалось взять государственную власть; 2) почему они смогли удержать государственную власть в ходе развития революции и в Гражданской войне; 3) почему они сумели не только удержать власть на многие десятилетия, но и преобразовывать страну в соответствии с собственным пониманием, как это следует делать. Они вызвали к жизни такие процессы и создали такую модель общественного развития, которые оказали колоссальное влияние на мировое развитие XX века. Можно сказать, что весь XX век прошел «под знаком России».

Но ответ на них эти вопросы следует искать в гораздо более широком историческом контексте, нежели 1917 год, в анализе российского исторического процесса — не только начала XX в., но хотя бы с середины XIX в.

* * *

Распад мировой системы социализма, крах СССР, прекращение существования двухполюсного мира, формальное окончание «холодной войны», — все эти и другие радикальные общественные трансформации 1990-х гг. заставили по-новому оценить события 1917 года в России, которые в советское время называли «Великая октябрьская социалистическая революция». В 1990-е гг. в рядах российских историков шли очень непростые процессы. Прежде всего, тема революции стала непопулярной среди профессиональных историков, и ею просто стали меньше заниматься. Кроме того, значительная часть историков пошла по наиболее простому пути, поддавшись новой политической конъюнктуре и просто проведя «идеологическую инверсию»: ранее позитивные оценки поменяли на негативные, и наоборот. Как и в радикальной публицистике, чем больше они находили негативного в советском прошлом, тем считалось лучше. Но это была не наука, а такая же мифологизация истории, как и в советское время, только с «противоположным знаком».

Проще всего было объявить то, что считалось великой революцией, обыкновенным верхушечным переворотом, обвинить большевиков в том, что они «изнасиловали историю», навязали огромной стране свою политическую волю. Однако в действительности это ничего не объясняло. Оставались вопросы: как маленькая, по сути, сектантская политическая группа из нескольких тысяч членов загнанной в подполье партии за несколько месяцев после свержения монархии и Февральской революции 1917 г., сумела не только совершить в октябре 1917 года политический переворот в столице, но и захватить власть во всей бескрайней стране, и, тем более, победить в многолетней тяжелейшей Гражданской войне, в которой их противники — Белые — были поддержаны иностранной военной интервенцией всех крупнейших держав мира. Кроме того, — и это много важнее самих событий 1917 г., — оставались вопросы о месте Октябрьской революции в историческом процессе XX века, о том, что из нее выросло — о советской модели развития, оказавшейся привлекательной для десятков стран и народов мира, подражавших Советской стране и входивших в сферу ее влияния.

По мере того, как, с одной стороны, схлынула основная «конъюнктурная пена», остыли политические страсти, с другой, — происходило накопление все нового фактического материала, во многом закрытого в советское время в архивах и спецхранах, суждения историков о революции становились более разнообразными, объективными и основательными. Некоторые историки обратились к анализу соотношения программ и политики партий и интересов масс, их социальных представлений и ожиданий⁷, другие — к взаимоотношениям народа и власти в революционном процессе⁸, третьи — к традициям русского бунтарства, вписав события 1917 г. в череду российских смут и крестьянских восстаний⁹, четвертые — к фактически доминирующей роли крестьянства в официально объявленной «пролетарской революции», к ее крестьянской сути¹⁰.

С точки зрения автора данной статьи, все эти аспекты и направления исследований должны быть учтены при разработке новой концепции революции 1917 г., они дополняют и уточняют целостную картину. Но ими ограничиваться нельзя, и все их следует вписывать в более широкий исторический контекст.

Ключевые проблемы России начала XX в. уходят корнями как минимум в середину XIX в. Именно тогда решался вопрос о путях трансформации России из страны патриархальной, аграрной, сельской в современную, индустриальную, городскую. То был вопрос о модели модернизации, являвшейся для России во многом не продуктом внутреннего развития, которое было заторможено в силу многих, в основном объективных причин, а результатом внешнего давления, угрозы безнадежного отставания от ушедших вперед западных стран. Не случайно масштабные реформы в Российской империи со значительной модернизационной составляющей начинались после крупных военных поражений — в Крымской и русско-японской войнах.

Полуфеодальной, крепостнической России предстояло в короткий срок преобразовать все основы своей жизни. В середине XIX в. в обществе функционировало 4 социальных проекта (не всегда четко оформленных), опиравшихся по сути на 4 существовавших социальных силы. **Первый** был **патриархально-консервативный проект**, реакционный по сути, смыслом которого было ничего не менять. Он выражал интересы консервативного дворянства, помещичьего землевладения, стремившегося максимально долго оттянуть отмену крепостно-

го права. Верховная власть отвергла эту позицию как ведущую в тупик. *Второй* проект **революционных демократов, народовольцев**, продвигал в радикальной форме идею крестьянской войны и «черного передела» помещичьей, удельной, казенной земли между крестьянами, объединенными в общины. Императорская власть, естественно, не собиралась действовать самоубийственным способом — ущемлять слой помещиков, свою главную на тот момент социальную опору, а патриархальное крестьянство, весьма консервативное и пассивное в тот период, с монархическими иллюзиями, не возражало бы против тотального передела земли в свою пользу, и приняло бы ее, если бы вопрос был решен сверху; но к революционному решению проблемы оно тогда было не способно.

Следует сказать, что народнический проект, преемником которого позднее стал эсеровский проект, не имел модернистской перспективы. Выражая интересы крестьянства — сословия феодального общества, он, по сути, звал в прошлое. А будущее могло быть только за основными классами будущего индустриального общества. Это были формирующиеся классы промышленной буржуазии и пролетариата. В 1860-х — 1870-х гг. они находились в еще зародышевом состоянии, не имея никакого политического влияния.

Поэтому модернизация осуществлялась верховной властью во многом с опережением социальных, экономических и иных условий, которые имелись в обществе. И здесь действовали два оставшихся социальных проекта — либеральный и имперский модернизационные проекты, — и конкурировавшие, и взаимно дополнявшие друг друга. По сути, реализовался имперский проект модернизации (имевший и определенную либеральную «составляющую») при опоре на бюрократию: сильный контроль власти над обществом, энергичное государственное вмешательство в экономику с доминированием в решающих отраслях — железнодорожном строительстве, тяжелой индустрии и др.

Либеральная дворянская элита настояла на формировании основ институтов гражданского общества, социальная база для которых еще не созрела. Земская, городская, судебная, университетская и др. реформы создали основы самоорганизации соответствующих социальных категорий, вовлекли их в более интенсивную идейно-политическую жизнь, стали полем социальной активности. Но главный для страны — крестьянско-земельный вопрос — отменой крепостного права решен не был.

«Великие реформы» Александра II явились компромиссом между всеми социально-политическими силами, между консерваторами и прогрессистами. Они начали лечить болезни страны, но не вылечили их. Напротив, сами они породили в перспективе трудно разрешимые проблемы. Реформы, а также целенаправленная политика государства стимулировали мощный индустриальный рывок, прогресс города, и в то же время законсервировали село, в охранительных и фискальных интересах монархии и помещиков сохранив патриархальный институт общины, выкупными платежами и временно-обязанным отношением поставив крестьянство в экономически ущербное положение.

Индустриализировавшийся и обуржуазивавшийся город и полуфеодальная деревня двигались в разных, во многом — противоположных направлениях. И это было главное противоречие, фактически предопределившее две революции и национально-государственную катастрофу 1917 г. К началу XX в. отнюдь не рабочий, а именно земельный вопрос был ключом к стабильности государства.

82 % подданных империи проживало в деревне, да и город более чем наполовину был связан с аграрным развитием. Но город богател, а деревня нищала. Объем крестьянского земельного фонда почти не рос, а демографический взрыв привел к резкому уменьшению личных наделов. Не было ни стимулов, ни материальных возможностей существенно улучшить агрокультуру.

Столыпинская реформа казалась новым средством, способным защитить интересы помещичьего землевладения, но теперь уже противоположным способом — не укрепляя, а разрушая общину. Однако такая политика вызвала ненависть крестьян уже не только к помещикам, но и к власти, ее проводившей. Монархия утратила в крестьянской среде былой авторитет, монархические иллюзии рассеивались. Позитивные последствия Столыпинских реформ оказались невелики, тогда как негативные — чрезвычайно значимы и масштабны. Не решив земельный вопрос, они радикально повысили уровень базовой социальной нестабильности в обществе, породили в рядах крестьянства социальную ненависть и к центральной власти, к монарху, чего раньше не было, а, с другой стороны, раскололи само крестьянство на меньшинство — выходцев из общины, и большинство — сторонников ее сохранения.

Раннеиндустриальная модернизация России не успела еще дать той критической массы позитивных перемен, которые бы обеспечивали стабильность общества, а напротив, породила базовую нестабильность — переходное, маргинальное состояние города и деревни. В таких условиях власть должна быть предельно осторожной, чтобы не развалить страну. Но столько ошибок в управленческих решениях, сколько было сделано в период правления Николая II, вероятно, в России за столь краткий срок не было сделано никогда. Он способствовал созданию внутренних условий для революционных потрясений, дал втянуть страну в две тяжелые войны, за которыми закономерно последовали две революции. Свою провокационную роль сыграли и «образованные классы» — либеральная элита, «интеллигенция», мечтавшие о «свободе» для себя, но не просчитывавшие последствий. К 1917 г. страна подошла с комплексом давно перезревших фундаментальных общественных противоречий разного масштаба и глубины, а также оказалась в ситуации затяжной, продолжавшейся уже почти три года войны, принесшей невиданные ранее человеческие жертвы, материальные трудности, возраставшее недовольство властью. Назревала «революционная ситуация», в которой к революции могла подтолкнуть любая «незначительная случайность», а воспользоваться могли различные политические силы, которым, однако, нужно было не только взять, но и удержать власть. Кто же был способен это сделать?

Прежде всего, поставим вопрос: а за какими социальными и политическими силами в 1917 г. в принципе могло быть политическое будущее в начале XX века в преимущественно аграрной стране? Наверное, за теми, которые, во-первых, выступали за утверждение в стране передовых форм развития, а, во-вторых, могли опереться на большинство населения страны. По сути, это были взаимоисключающие задачи, потому что будущее было за индустриальной модернизацией, за городом, а страна в то время была преимущественно аграрной, а преобладающим населением в ней являлось крестьянство. Крестьянство — социальная категория прошлого, фактически, также как и дворянство, помещики, — сословие средневекового общества, но низшее и самое массовое. Однако в мире — и в России в частности — уже давно шли процессы «капиталистического развития», с пер-

спективной превращения промышленности в доминирующую отрасль экономики. Отставание на этом пути было чревато потерей суверенитета, превращения в зависимую или даже полуколониальную страну.

Монархическая власть, выражая интересы, прежде всего, помещиков, была силой прошлого. Имперская, либерально-консервативная модернизация, которую проводила власть с середины XIX в., в России фактически провалилась. **Имперский проект модернизации** потерпел поражение, прежде всего, потому что он реализовывался властью, не сумевшей решить коренной для страны — земельный вопрос, и по-прежнему опиравшейся на реликтовый дворянско-помещичий слой. Кроме того, модернизация в форме вестернизации «сверху» насильно разрушала традиционализм внизу, оказалась чужда большинству народа, его менталитету, породила сложнейшие противоречия и вызвала — за кратчайший срок — две революции: 1905–1907 гг. и 1917 г. Эти революции показали несостоятельность царского режима, но что еще важнее — несостоятельность осуществлявшейся модели модернизации — по западному образцу, чуждому доминировавшему в обществе российскому традиционализму. Либерально-консервативные реформы Витте–Столыпина не принимались большинством населения, прежде всего, крестьянством. Реформы С. Ю. Витте означали наступление города на село, вестернизацию традиционалистского общества, реформы П. А. Столыпина — попытку «квазирешения» земельного вопроса, которое удовлетворило бы интересы в первую очередь помещиков — вопреки представлениям крестьян, считавших необходимым предоставление земли тем, кто ее обрабатывает, и на уравнительных началах, как издавна практиковалось в российской общине. Российская монархия, даже превратившись в конституционную в результате революции 1905–1917 гг., не смогла обеспечить разрешение коренных вопросов развития страны, особенно аграрного, давно «перезревшего» и являвшегося основной проблемой Российской империи. Он был вызван малоземельем крестьян, все еще живших в большинстве своем в условиях соседской общины, весьма медленно развивавших агрокультуру, и в ситуации демографического взрыва получавших при переделах земли все меньшие земельные наделы. Основная масса крестьянства видела решение проблемы не в интенсификации производства (на что у большинства и не было достаточных экономических возможностей), а в передаче крестьянам помещичьей и государственной земли. Однако монархия пыталась столыпинскими реформами сохранить помещичье землевладение, видя в дворянско-помещичьем слое свою главную социальную опору.

Именно столыпинская реформа, направленная на разрушение общины и перераспределение крестьянской земли в пользу более «сильных» хозяев, явилась фактором, окончательно настроивших крестьянское сословие против монархической власти. Своей негибкой политикой власть настроила против себя и город, причем не только низшие слои (например, устроив массовый расстрел демонстрантов 9 января 1905 г., после чего разразилась первая русская революция), но и буржуазно-либеральные круги, требовавшие большего участия во власти. Однако власть, пойдя с 1905 г. на уступки, позднее шла по пути ограничения данных ранее политических свобод. Не способна она была эффективно решить и национальный вопрос, в многонациональной империи, пожалуй, стоявший по значимости на втором месте после крестьянского. В решении рабочего вопроса также делались лишь первые робкие шаги под давлением социал-демократического

движения. Ввергнув страну в 1914 г. в кровопролитную мировую войну, монархия фактически подписала себе приговор: война до предела обострила все противоречия, ослабила центральную власть, дала оружие в руки крестьян, одетых в солдатские шинели, научила народ убивать. По мере затягивания войны, роста числа военных жертв и тягот, авторитет власти катастрофически падал. Многие социальные тормоза и запреты были сорваны, и в феврале 1917 г. прорвалась волна народного гнева, которая с легкостью смела царский режим и имперские структуры.

Однако, провозгласив республику, предоставив невиданные ранее политические свободы, либеральное Временное правительство так и не решило важнейших вопросов, действительно волновавших преобладавшую часть населения страны, и «ситуационных» — таких, как выход из мировой войны, и фундаментальных, «глубинных» — аграрного, национального и др.

Какова была расстановка политических сил весной 1917 г.?

Либерально-буржуазные партии были партиями «будущего», ибо они выражали интересы капиталистического, в том числе индустриального развития, однако они не имели сколько-нибудь существенной социальной опоры: в деревне — практически никакой, в городе — весьма слабо развитом (лишь 18 % населения) — среди ничтожно малых верхних буржуазных и интеллигентских слоев.

Почему проиграли либералы? Потому что, раскачивая государственную лодку, они не понимали, что в той, преимущественно крестьянской России, у них нет ни малейшего шанса. Основное население страны, крестьянство — патриархальное сословие — не интересовало гражданские свободы, конституция и прочие премудрости господ интеллигентов. Их интересовала помещичья, казенная и прочая земля, которую они хотели получить безвозмездно и навсегда. Либералы, волею исторической ситуации оказавшись у власти, не смогли ею адекватно воспользоваться и удержать, оказавшись с легкостью свергнутыми в октябре 1917 г. — фактически в ситуации безвластия в стране, доведенной ими всего лишь за полгода до фактического развала.

Эсеры были партией, выражавшей крестьянские интересы, их радикальное и наиболее популярное крыло — выступало за «черный передел». **Почему проиграли эсеры**, в целом готовые удовлетворить эти требования основной массы населения страны? Потому, что крестьянская партия в эпоху индустриализации не имела самостоятельных перспектив, а вопрос о власти все-таки решался в городе, где социальная база была у социал-демократов — от умеренных до радикалов. Крестьянство — как и помещики — являлось сословием средневековья, они звали не в будущее, а в прошлое, и их лозунги и программы были утопичны и консервативны, только, в отличие от монархизма, это был консерватизм низов. И эсеровский проект не имел будущего, он звал в прошлое. Эсеры были партией «прошлого», — не развития, а социальной крестьянской общинной утопии, по сути — партией регресса. Они не могли даже самостоятельно взять власть, вопрос о смене которой решался в столичных городах, где их влияние было относительно небольшим. Потому радикальные эсеры пришли к власти вместе с радикальными социал-демократами (умеренные социал-демократы, отрицая революцию, были, по сути, вторым эшелон либералов).

Из других политических сил оставались социал-демократы, которые делились на умеренное реформистское крыло (меньшевики) и леворадикальное

крыло (большевики). Это были политические силы, «западники» и антитрадиционалисты, действовавшие на базе марксистской идеологии, выступавшие за индустриальную модернизацию страны, выражавшие «индустриальную перспективу», но с точки зрения не верхов, а низов капиталистического общества. Но и форма их организации, и стратегия, и методы политического действия были принципиально разными. Меньшевики — ортодоксально-доктринерское марксистское течение, реформистское по сути, — считали, что революция носит буржуазно-демократический характер, а значит, власть должна принадлежать либеральной буржуазии, то есть фактически отказывались быть самостоятельной политической силой, отдавая всю инициативу либерально-буржуазным партиям, проявившим после февраля 1917 г. свою полную несостоятельность.

Фактически единственной политической силой, заявившей претензию на власть и провозгласившей целью радикальное преобразование общества на пути индустриальной модернизации, но — снизу, выступили большевики, левые марксистские радикалы.

Почему победили большевики, не только сумев взяв власть, но и сумев прочно удержать ее? По двум простым причинам. 1) Они звали в будущее, но при этом сумели опереться на прошлое, на самую массовую социальную базу в стране — на крестьянство, на реликтовую категорию феодального общества. 2) Они предложили свой модернизационный проект, который удовлетворял интересам основной массы населения.

Большевики удовлетворили текущие интересы крестьянства, отдав ему землю. Они не были доктринерами, то есть, видя стратегическую цель, способны были прагматически корректировать свои политические установки сообразно обстоятельствам, тактически гибко реагировали на изменения общественной обстановки. Лидер большевиков В. И. Ленин понимал, что будущее было за городом, за индустриальным развитием, но судьба власти в условиях революции и гражданской войны в России определялась деревней. А это значит, что победить и прочно утвердиться у власти могла только та политическая сила, которая предлагала индустриальную перспективу, но ситуационно была способна привлечь на свою сторону деревню, крестьянство, составлявшее 4/5 населения страны. Являясь «партией будущего», «индустриальной перспективы», большевики сумели опереться не только на социальные слои будущего — «индустриальные низы», рабочий класс, но и на самые массовые социальные «слои прошлого», крестьянство.

Большевики оказались единственной партией, у которой и стратегия, и тактика оказались адекватны условиям России — ее текущей ситуации и перспективным задачам.

Большевики не столько совершили революцию, сколько «вписались» в нее, осознав объективные потребности, использовав благоприятную ситуацию и настроения масс. Они пошли на заключение крайне невыгодного, «грабительского» Брестского мира, настроив против себя определенную часть патриотически мыслящих слоев, но тем самым остались у власти и прекратили развал страны. Гибкой политикой и насилием они сплотили массовые низы общества и сумели победить в Гражданской войне всех своих противников, поддержанных интервентами — всеми крупными державами мира.

Идя на уступки крестьянам, в том числе введя новую экономическую политику (НЭП), большевики отбрасывали марксистские догмы, проявляя политику

ческую гибкость. Все это позволило большевикам не только прийти к власти, но и удержать ее в гражданской войне и после нее.

Большевики, чтобы взять власть в 1917 г., отказались от собственных доктринальных установок, фактически реализовав эсеровскую, то есть крестьянскую аграрную программу — программу «черного передела» и «социализации земли».

Однако крестьянская аграрная программа была паллиативом, а не реальным решением проблем, который находился в области развития, прогресса, а не примитивного уравнительного передела собственности. Магистральным путем в индустриальную эпоху была индустриализация и урбанизация, причем не только города, но и деревни, а для России — еще и вынужденно ускоренное, преодолевавшее отставание страны. Ни столыпинская реформа, ни решение земельного вопроса по крестьянским наказам большевиками этого не обеспечивало. Именно потому, что крестьянство в XX в. было социальной категорией прошлого, а не будущего, категорией консервации, стагнации, а не развития. Крестьянство по своей социальной природе, условиям и образу жизни не способно к прогрессу, именно город двигал технический и социальный прогресс.

А большевики не только взяли власть — с помощью крестьянства, но стали осуществлять модернизацию страны опять же в интересах города, но иных, чем прежде, его слоев. Вместе с тем, советская модернизация открыла перспективы социальной мобильности для самых низов общества, включая сельские низы. Массовый характер стали носить перемещения из села в город, из крестьян в рабочие, и тех и других — в состав интеллигенции. Для остававшихся на селе стали доступными среднее образование, технические и другие сложные профессии.

* * *

Революция 1917 года, — и Февральская, и Октябрьская, — это единый процесс. Можно одну называть буржуазно-демократической, другую — «пролетарской», социалистической. Но суть от этого не меняется: это была прежде всего великая крестьянская революция — за землю. Это была единая Великая русская революция 1917 года, прошедшая основные стадии «левой» радикализации.

Революция 1917 года — парадоксальна! Будучи объявленной «пролетарской», на деле — по социальной базе, лозунгам и полученным результатам — она была крестьянской! Главное, что обеспечила октябрьская революция, это *вынужденное* решение крестьянского вопроса в крестьянской по основной массе населения стране согласно крестьянским общинно-уравнительным представлениям. И позднее большевики — западники-марксисты, антитрадиционалисты по идейным основам, на деле реализовывали традиционалистскую модель модернизации, принципиально отличную от либерально-буржуазной. Они решали все ту же задачу превращения аграрной России в индустриальную и городскую, которую не удалось решить дореволюционной имперско-консервативной модернизации, а либералам, пришедшим к власти в 1917 г. и неадекватным российской социокультурной почве и исторической ситуации, не пришлось даже начать реализацию своих программ. Но опирались советские коммунисты на народные настроения и мировоззрение. Даже в коллективизации сельского хозяйства власть опиралась на традиционалистские «общинно-коллективистские» уравнительные

установки крестьянства, оказавшиеся основной массе сельских жителей ближе, нежели столыпинские реформы с утверждением частной собственности на землю. Большевики проводили в основном сугубо прагматическую и вынужденную политику, которую, как правило, потом пытались теоретически и идеологически объяснять.

Главным было не удержание власти, а реализация программы развития. Для этого понадобились глубокие перемены и в самой партии. Ведь большевистская партия «мировой пролетарской революции» позднее, в течение 1920–1940-х гг., когда у власти укрепился И. В. Сталин, трансформировалась в партию, выражавшую национально-государственные интересы, удержав власть на многие десятилетия и успешно реализовав свою мобилизационную модель индустриальной модернизации России. Выступая от лица «низших классов», советская власть обладала гораздо большими возможностями «социальной мобилизации», нежели имперская власть или буржуазные либералы, и проводила индустриальную модернизацию общества, не подавляя, а опираясь на основную массу населения — социальные низы.

Советское государство, при всем внешнем разрыве со старым имперским прошлым, получило в наследство все те же исторические задачи — индустриальной модернизации России. Конечно, большевики исходили из своей, адаптированной к условиям России марксистской доктрины. Но, по сути, они продолжили имперский, или квазиимперский модернизационный проект — на иной социальной базе, иными методами, под иным идейным оформлением. Чтобы удержать власть в аграрном по экономике и сельском по доминирующему населению государстве, им приходилось «строить социализм в отдельно взятой стране», то есть создавать индустрию, чтобы, расширяя собственную социальную базу в лице индустриального рабочего класса, обеспечить обороноспособность государства, управляемость и внутреннюю стабильность на основе новых социальных институтов и структур.

Идеология, безусловно, влияла на большевистскую политику, но отнюдь не в той степени, которую ей приписывали и сами коммунисты, и их противники. И военный коммунизм, и переход к НЭПу, и отказ от него с переходом к форсированной индустриализации, — все это были вынужденные шаги реальной политики, а отнюдь не продукты доктринальных установок. Эту политику лишь оформляли в соответствующей идеологической упаковке.

Отказ от НЭПа был неизбежным не столько в силу доктринальных установок, сколько в силу «хода вещей». НЭП мог быть инструментом восстановления экономики, но отнюдь не ее форсированного развития. А страна опять, как и в эпоху Столыпина, оказалась в ситуации исторического цейтнота. У П. А. Столыпина не оказалось 20-ти лет спокойствия для эволюционного преобразования России на базе либеральных экономических форм организации сельского хозяйства. У СССР не было десятков лет для постепенной индустриализации снизу, от накопления в сельском хозяйстве и создания легкой промышленности к дальнейшему созданию тяжелой индустрии. Главными в 1930-е гг. были оборонные задачи ввиду перспективы большой войны. Постоянная, вполне реальная внешняя угроза (а боялись даже слабой Польши, от которой не так давно потерпели поражение), требовала форсированной индустриализации. Страна находилась в условиях исторического цейтнота, что собственно и показала Вторая мировая

война. И все остальные элементы так называемого социалистического строительства (коллективизация, культурная революция), были лишь средствами обеспечения ключевой задачи — форсированного создания тяжелой индустрии и, на этой основе, современной боеспособной армии.

Но индустриализация предполагала использование только внутренних источников накопления, а значит и социальную мобилизацию во всех формах (добровольное и принудительное ограничение потребления, мощную пропагандистскую кампанию, распространение массового энтузиазма; репрессивный опыт гражданской войны был перенесен и на этот период, так что ГУЛАГ тоже оказался в ряду инструментов индустриализации). Отдельно стоит вопрос о коллективизации. Конечно, в целом она отнюдь не была добровольной. Но она оказалась принятой крестьянством в большей степени, нежели отвергнутая его большинством стольпинская реформа. Коллективистский менталитет, воспитывавшийся веками в патриархальной общине, привел к принятию коллективных форм хозяйствования, а колхозы стали не только новой формой организации производства, перевода мелкого крестьянского хозяйства в крупные, но и средством индустриализации деревни.

Было ли развитие советской модели модернизации некоей исторической аномалией? В сравнении с другими странами? Безусловно, нет. Думать так, значит становится на позицию западных идеологов холодной войны.

После революции в России была создана собственная, национально-ориентированная модель хозяйства, существенно отличавшаяся от западной либерально-рыночной, и опирающаяся на социокультурные основы страны. Большевизм воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах страны, причем на ряде этапов не догоняющего, а опережающего развития. Если имперско-либерально-рыночная модель ранней индустриализации страны провалилась, то советская индустриализация оказалась успешно реализованной на этатистской нерыночной основе. Она была вполне адекватна задачам раннеиндустриального развития, обеспечила победу в мировой войне, выход СССР в разряд сверхдержав и гарантированную безопасность.

Советская модель оказалась преемственной имперской модели модернизации в ключевых моментах, в том числе, в доминировании государства в авангардных отраслях. Но либерально-имперская модель провалилась, приведя к революции, а советская гораздо больше опиралась на социокультурные и исторические условия страны, поэтому она в целом успешно реализовалась. Именно в рамках советской модели Россия стала индустриальной и городской страной, с высокоразвитым образованным населением, с передовой наукой и техникой. Сегодня нередко заявляют, что советская модернизация была неполноценной, так как она отвергла институт частной собственности, ряд демократических институтов гражданского общества. Но это — сугубо идеологическая позиция, которая объявляет западную модель неким образцом для всего мира. Мир был, есть и будет полицентричным, и ценности одних цивилизаций не могут быть абсолютным образцом для других. Во всяком случае, критерием успешности моделей модернизации является то, делают ли они свои страны сильными и конкурентоспособными в экономическом и военном отношениях, обеспечивают ли они безопасность для своих стран. И нет абсолютно «истинных», универсальных моделей развития для всех стран и всех времен. Это поняли китайцы, которые

словами Дэн Сяо-пина выразили универсальный подход, показав относительность всех моделей развития: «Не важно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей». Не важно, какая идеология, или форма собственности, или политические институты. Важно чтобы они в конкретно-исторических условиях обеспечивали экономический рост, обороноспособность, социальную стабильность и безопасность.

При всех социальных издержках — массовых репрессиях, голоде начала 1930-х гг., — советская модель индустриальной модернизации оказалась весьма эффективной, обеспечив превращение отсталой России в передовую державу, что позволило СССР выиграть Вторую мировую войну против фашистской Германии и ее сателлитов, вывести человека в космос, стать второй сверхдержавой мира и противостоять в «холодной войне» мощнейшему блоку западных держав. Советская модель «забуксовала» позже, начиная с 1970-х гг. Она оказалась неприспособленной к решению новых, не менее сложных, чем ранее, исторических задач — при переходе к постиндустриальному обществу, но в этом уже вряд ли можно винить людей, совершавших Октябрьскую революцию 1917 г. Причины этого — предмет специального анализа.

Однако на новый модернизационный вызов при решении задач перехода к постиндустриальному обществу власть не смогла дать адекватного ответа, и прежде всего в экономической сфере. К тому же целая цепь неграмотных управленческих решений, включая ставку на экспорт на энергоносители, привели к зависимости от внешних источников финансирования и при обвале цен на нефть СССР оказался банкротом. Положение усугубили гонка вооружений, ряд тяжелых катастроф, включая Чернобыль, антиалкогольная компания с огромными финансовыми потерями, законы о предприятии и кооперативах, разбалансировавшие двухсекторную модель советской экономики, вызвавшие всплеск инфляции и тотальный дефицит, и др.

Неизбежен ли был крах социализма в СССР? Вернее, той модели общественного развития и устройства, которая существовала? Думаю, что нет. Да и ни один западный советолог на предсказал возможность распада СССР еще за пару лет до этого события.

Советская модель развития не оставалась неизменной. Она обеспечила переход к индустриальному обществу. Но к «постиндустриальному», точнее — новой стадии индустриального, СССР перейти не успел. В чем причины? В том, что эта модель стала тормозом и не позволила? Или дело в конкретных управленческих решениях, которые оказались некомпетентными? Думаю, верно именно второе. Потенциал советской системы вовсе не был исчерпан. Да и как он мог быть исчерпан, если раннеиндустриальная стадия для половины страны еще не была завершена, оставались огромные резервы просто для экстенсивного роста экономики. Вся Средняя Азия, почти все Закавказье оставались резервом ручного неквалифицированного доиндустриального труда. Конечно, гонка вооружений отвлекала огромные дефицитные ресурсы СССР на непроизводительные военные расходы. Но ВПК одновременно нарабатывал колоссальные технологические прорывы по всем направлениям. Одной из ключевых ошибок советского руководства было то, что оно не смогло или не захотело создать такой организационный механизм, который задействовал бы достижения ВПК в гражданских отраслях.

Распад СССР не был неизбежен, но был закономерен в силу ряда причин. Камнем преткновения стал национальный вопрос, хотя не он один. Фундаментальной ошибкой большевиков было территориально-государственное деление по национальному принципу. Сформировав национальную элиту республик, создав всю административно-государственные институты, власть сама усилила центробежные факторы, по сути, создала все условия для распада. Любое исторически случайное, ситуационное ослабление центральной власти могло привести к краху, что и произошло к 1991 г.

Неверная экономическая стратегия в 1960–1980-е гг. привела к кризису в народном хозяйстве. Результатом «перестроечных» реформ стало сначала разрушение советской экономики, подрыв ранее объединявших общество ценностных начал, размывание, а затем разрушение «вертикали власти». Некомпетентность высшего руководства СССР (а частью и предательство им национально-государственных интересов) в период «перестройки» и привели к тотальному ослаблению государства, с последующей национально-государственной катастрофой.

Нередко события 1991 г. тоже называют революцией, по сути, подменяя понятия. Во-первых, социальные революции, так или иначе, совершаются в интересах широких народных масс, приводя к росту их материального благосостояния, повышению социального статуса и т. п. Во-вторых, настоящие революции открывают путь более успешному экономическому развитию, способствуют укреплению государства. И то, и другое мы видим в результате революции 1917 г., хотя в ходе Гражданской войны для ее победы и были принесены колоссальные человеческие жертвы. Распавшаяся ранее Российская империя была воссоздана в новом виде, на иной социальной основе; модернизация продолжилась в рамках новой модели развития; сила и внешняя безопасность государства увеличилась, что позволило СССР выиграть Вторую мировую войну.

Либеральный переворот 1990-х гг. привел к распаду СССР, потере геополитических позиций, подрыву цивилизационных основ общества. Процессы 1990-х гг. вызвали разрушение современной производственной базы, фактическое уничтожение высокотехнологичных отраслей экономики при общем падении уровня ВВП и производства более чем в 2 раза. Вместо модернизационного рывка постсоветская экономика деградировала в направлении «сырьевого прироста» продолжавших развиваться стран Запада, да и других, ранее отсталых стран. Россия потеряла почти 20 лет в развитии, тогда как другие страны мира далеко ушли вперед. В результате Россия вместо 2-го места в мире по уровню экономического развития, безнадежно отстав, оказалась во второй десятке, а по качественным социально-экономическим показателям — среди отсталых стран «третьего мира».

Современные геополитические реалии: возросший уровень мировой нестабильности, серия «политтехнологичных» «бархатных революций» как инструмент изоляции России на постсоветском пространстве, — отражают незавидное положение России в современном мире. «Холодная война» отнюдь не окончена с распадом СССР, а перешла в латентную стадию. При всех внешних реверансах Запада по отношению к постсоветской России последовательно велась политика максимального ослабления нашей страны, ущемления ее интересов, геополитического выдавливания из всех ранее имевшихся у СССР позиций.

Сравним: СССР за 20 лет развития не только восстановил хозяйство, но сделал колоссальный рывок в форсированной модернизации. Постсоветская Россия даже не восстановила своих позиций до катастрофы 1991 г. Лишь «счастливый случай» — благоприятная конъюнктура на энергоносители — спасла утвердившийся у власти режим и навязанную им стране модель общественного развития.

* * *

Таким образом, учитывая наработки российской историографии последних лет, мы можем сделать вывод: революция 1917 года отнюдь не была исторической случайностью, а реализовала наиболее вероятный потенциал развития российского общества со всеми его противоречиями, к которым пришла Россия к началу XX в., и оказала огромное влияние на судьбы всего мира.

Вся постсоветская история показывает, что сильная единая Россия Западу не нужна при любой идеологии и в любой форме — империи, социалистического СССР, либерального государства. Следовательно, нужно делать выводы — о том, что у России не может быть друзей, нет и не будет постоянных союзников, но были и есть постоянные, непреходящие интересы, которые напрямую не связаны ни с общественно-политическим устройством страны, ни с доминирующей идеологией, ни с формами собственности, ни с текущими социальными элитами. Все это — лишь переменные величины, которые зависят от того, обеспечивают ли они силу, конкурентоспособность и безопасность страны, адекватны ли они социокультурным и другим объективным реалиям и требованиям времени. В этом состоит главный исторический урок, который следует извлечь из истории России на протяжении последних полутора столетий.

С учетом этого урока следует оценивать и все российские революции, в том числе и революцию 1917 года, которую по ее значимости для судеб России и всего мира по праву можно назвать Великой русской революцией.

1 Общество и власть: проблемы взаимодействия. СПб., 2006. С. 45.

2 *Стариков Н. В.* 1917. Не революция, а спецоперация! М., 2007.

3 См.: Там же. С. 276.

4 *Медушевский А. Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3.

5 *Франк С. Л.* По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 213.

6 См.: *Суханов Н.* Записки о революции. М., 1991; *Луначарский А. В.* Великий переворот (Октябрьская революция). М., 1919; *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Тт. I–II. М., 1997; *Вишняк М.* Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931; *Маклаков В.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006; *Керенский А. Ф.* Прелюдия к большевизму. М., 2006; Почему победили большевики. Ответ фальсификаторам истории Великого Октября. М., 1987.

7 См.: Анатомия революции 1917 г. в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

8 См.: *Герасименко Г. А.* Народ и власть (1917 г.). М., 1995.

9 См.: *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

10 См.: *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Люкшин Д. И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; *Сухова О. А.* «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007.